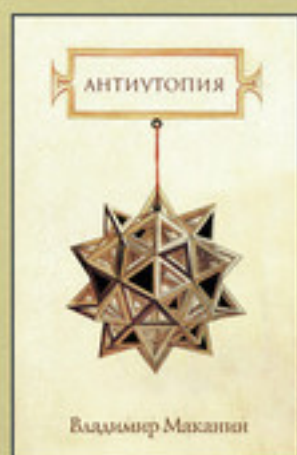


Владимир Маканин

# За чертой милосердия



*Часть сборника  
Антиутопия (сборник)*



Владимир Маканин  
**За чертой милосердия**

«ЭКСМО»

1991

## **Маканин В. С.**

За чертой милосердия / В. С. Маканин — «Эксмо», 1991

«2200-й год! Уже сколько лет нет войн, ни больших, ни малых, народы и концерны доверяют друг другу, и гуманистические ценности восторжествовали, но осталась эта чертова секретность, связанная с внедрением технологии! Соперничают, рвут друг у друга куски, мать их! – думал молодой человек, собираясь в дорогу. Он тщательно побрился. Он смотрел на себя в зеркало. – Тс-ссс! – приложил он нарочито палец к губам...»

© Маканин В. С., 1991

© Эксмо, 1991

## Содержание

1	5
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

# Владимир Маканин

## За чертой милосердия

### Повесть

*Долог наш путь...*

## 1

2200-й год! Уже сколько лет нет войн, ни больших, ни малых, народы и концерны доверяют друг другу, и гуманистические ценности восторжествовали, но осталась эта чертова секретность, связанная с внедрением технологии! Соперничают, рвут друг у друга куски, мать их! – думал молодой человек, собираясь в дорогу.

Он тщательно побрился. Он смотрел на себя в зеркало. – Тс-ссс! – приложил он нарочито палец к губам.

Ему сказали, чтобы он собирался в командировку, не слишком об этом вокруг болтая. Ладно, – пообещал он, фыркнув. Он даже поворчал. На деле же слова начальства (и обстановка некоторой таинственности) его грели. Значит, его ценят. Значит – важно. Он испытывал подъем. А как иначе?.. Жизнь есть жизнь, и вот он, молодой человек, работающий в Москве, талантливый, честолюбивый, летит в командировку на испытательный полигон, расположенный где-то в южных степях; летит туда, создав свой – да, свой! – узел АТм-241, готовый там его внедрить, исполненный уверенности и хорошего тщеславия, как это и положено молодому человеку.

Самолетом он прилетел в один из небольших городов, а уже оттуда специальным вертолетом, где он был единственным пассажиром, прибыл на полигон. Ведомственные тайны и борьба предприятий меж собой слишком в ходу, но когда-нибудь их конкуренция станет излишней, и всех этих секретчиков и засекретчиков, этих бездельников разгонят! – размышлял молодой человек (он, собственно, ощущал секретность пока лишь через одиночество: не с кем поговорить!).

Успех АТм-241 – это успех его самого и его сотрудников, каждому воздастся. Выразится ли успех в укрупнении их отдела? – он не знал и не хотел забегать мыслью вперед. Общество его не забудет, это ясно. Конечно же, хотелось славы, он был молод.

Как человек молодой, он пребывал в известном возбуждении уже просто в связи с самим фактом отъезда: уход из привычной колеи в незнакомость настраивал его, быть может, на поиск приключений, а быть может, просто (по генетической памяти) пробуждал в нем молодого человека былых времен, с его состоянием повышенной готовности. Он уже предощущал вспышку чувственности и вдруг подумал, что он ждет, возможно, встречи с женщиной – да, да! у них на юге, в силу секретности региона, люди несколько оторваны от мира, и местные женщины, к примеру, невольно окажутся старомодны, не слишком развиты в сексе (это его возбуждало!), и чудесный старый их говор – кто знает! всякая поездка в незнакомые края как рождение. Человек как бы начинает сначала, а начало не может быть без встречи или без женщины, без Адама и Евы, хотя бы в приближенном и приблизительном варианте, – размышлял молодой человек, ощущая в себе не только понятный подъем сил перед предстоящей новизной, но и приятно замирающее сердце. При всем том оставался он внешне корректен и спокоен: деловая поездка.

К вертолету подкатил защитного цвета, крепкий, с брезентовыми бортами, укороченный автомобиль.

Молодой человек сказал встречающему:

– Да зачем?.. Вещей у меня нет. А тут, как я вижу, – совсем рядом.

И правда, комбинат-полигон был близко, ну, километр, а по такой замечательной степи и по такой погоде хотелось пройти первый километр ногами, пошуршать травой, размяться мышцами после скованного сидения в самолете. В степи все просматривается прекрасно – была хорошо видна защитного цвета ограда-стена, ее четкие несущие столбики и меж ними серые пролеты стены, красивые как раз серостью и обыкновенностью. Которая так естественна в степи и от которой отвык глаз, утомленный яркими красками большого города.

Они все же настояли, чтобы он ехал, а не шел. Гипнотизм дороги. Встречающие хотели даже перехватить его чемоданчик. «Нет-нет. Я сам!.. Да право же, чемодан совсем легкий!» – и впрыгнул, не влез, а легко впрыгнул в машину, энергичный. Но ветер, с запахами полыни и дикой конопли, врывался в открытые вырезы брезента, дыши! – врывался и оведал лицо, и степь была, степь лежала рядом, степь не кончалась. «Всего-то на три дня», – с сожалением подумал он, и кто-то из встречающих, с ним на сиденье рядом, словно ухватив выплескивающуюся его мысль, сказал:

– Вам здесь жить три дня! – но сказал с другой интонацией, мол, придется пожить и потерпеть, если вдруг окажутся бытовые неудобства, сравнительно с большим городом.

Но, конечно, предполагалось, что это только так говорится, и что о нем позаботятся, и что никаких неудобств не будет.

Теперь ограда приближалась, ее можно было рассмотреть. Кирпичная, серая, с облупившейся серой краской. Вид стены, тянувшейся ровно и далеко-далеко. Стена не внушала так уж сразу мысль о строгости и охраняемости, хотя именно ее неброскость, облупленность и очевидная во все стороны очищенность пространства говорили, разумеется, о досмотре. О глазе. О том, что никто тут просто так не подойдет, не поинтересуется, почему облупилась стена и почему это ее не красят. Стена как стена. Вот и ворота, – когда подъехали, стала перед глазами также неброская, сделанная полукругом над воротами надпись, как во всех таких закрытых и засекреченных местах, «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ».

Домик. Элегантный. Дача с небольшим участком и садом, – сказал он себе мысленно. Что ж, очень приятно. Ага, поодаль еще один такой домик. Всего два. Стало быть, не много людей сюда приезжает. Считать мы умеем. Приезжают сюда редко и только по одному, самое многое – двое.

– Будете жить один, – сказал сопровождающий, мысли шли в параллель, очевидные мысли. – Немного поскучаете...

– Люблю побыть и один, – улыбнулся в ответ молодой человек.

Прошли внутрь. Дача, как назвал ее он, невелика, но опрятна, ухожена. Три комнаты, ковры. Прекрасный письменный стол с набором ручек. Компьютер, конечно. Сверкающая ванная комната – сопровождающий приоткрыл дверь, – смотрите, мол, оцените.

– ...Вы можете заказывать себе еду. Но не думайте, что наши дежурные блюда плохи, напротив. Вы молоды, и желудок, конечно, работает отлично, но, если хотите, приготовят вашу диету, здесь все продумано. Повар, правда, один. Но дока. Будете есть, к примеру, бессолевую пищу и даже не заметите.

Сопровождающий сделал шаг в направлении выхода.

Приостановился:

– Я прощаюсь. Отдохните. Завтра – работа. За вами зайдут в девять утра... А сегодня вы ужинать не хотите? Повар должен знать ваши слабые места, это я так шучу...

Он был уже у выхода и крикнул:

– Холодильник набит соками и вином!

Машина с брезентовыми бортами зашумела, уехала.

Что ж, приняли отлично. Почему бы и нет? На комбинате синтезируется высочайшего класса белок, поступающий затем в пищу и дающий всем нам жизнь. Потому и технология держится в секрете. Ведомственные барьеры и здоровая конкуренция.

Проблема проблем – протеин! Синтезируется говядина или, скажем, свинина по образцам прошлых веков. (Уже почти сто лет, как ни птица, ни рыба и ничто живое не идет в пищу, гуманизм!) Известно, что в дело идут только травы. А остальное, уж извините, секрет. Комбинатов немало, и они, видно, хитро разбросаны здесь по степям – всюду трава и трава, огромные огороженные степные территории. И как же не принять хорошо человека, который внедрит в их законсервированный мир такую штуку, как АТм-241?!

Мысли его набегали легко, даже чуть восторженно. Глаза тем временем осматривали жилье, привыкая к стенам, к гравюрам, развешенным со старомодной навязчивостью на стальных пустотах. Однообразная белизна дня. Что-то в нем вновь напряглось, словно бы готовность к опасности, ожидание. Поймав себя на повторении, он отметил: а-а, память о молодом человеке былых веков, которому, как молодому волку, приходилось хорошо побегать, чтобы существовать. Он улыбнулся, удивляясь цепкости генетической памяти. Нет-нет и прадедовское прошлое вдруг оживает. Движешься в пространстве, а словно бы во времени. Вот ведь!

Перед сном он вышел подышать степью, побродить, прогуливаясь вкруговую возле своего домика.

Они шли вдвоем в направлении цехов.

– ...нам ваша интегральщина не нужна. А ведь народные денежки вы распыляете, и еще как распыляете! И к тому же от всех этих ваших внедрений конечно же утекает прежняя информация. Вы приехали – и вы уехали, верно? А вот раньше было не так. Если что-то для нас внедрил – здесь и оставайся. Навсегда. А как иначе: любишь науку – вложи в нее свою жизнь, тогда мы тебе и твоей науке поверим. Помогли?! Какая там помощь! Справлялись мы и до вас, справляться будем и после вас, верно?

Молодой командированный понимал, что ворчание старика инженера обычно (и даже типично, старые верные кадры должны ворчать), однако же заметил:

– Но ведь я работал, я несколько лет обдумывал проблему. Зачем вы так небрежны к моей работе?

Батяня (так запросто звали здесь старого инженера) подхватил:

– Да вот я и говорю – зачем человека с места срывать, пусть там себе сидит в городе и думает сколько хочет...

– Ну знаете. Это обидно. Зачем же я тогда трудился? Зачем вообще люди трудятся?

Он почувствовал обиду, даже спазм в желудке – как неприятно! Но, перемолчав и обиду подавив, он ощутил, что желудочный спазм никак не проходит. И тут только сообразил, что причина неприятного самоощущения не внутри, а вовне его. Запах. Что там такое?..

– Не оглядывайтесь. Не суйте нос. Вы увидите все, но непременно по порядку – когда ваш узел будут вводить в действие.

Старики еще и педанты, понятно. Молодой человек скользнул глазами по конвейеру – пять-шесть чанов, подвешенных довольно высоко, медленно ползли и источали запах, запах бил в ноздри, в самую душу, и молодой человек узнал его: запах синтезированной крови; чтобы синтезировать настоящее мясо, надо же синтезировать и кровь. Но запах был резкий, чего-то они там со своей химией перегустили...

– Неприятно? Глотните-ка спиртного, – сказал Батяня, предлагая фляжку.

– Не надо мне вашего спиртного. Я не мальчик. – Молодой человек оттолкнул руку с фляжкой, а тот совал ее ему прямо в нос, возможно, хотел перебить запах.

Но может быть, синтез был не так уж плох. Это ведь как знак качества – известно, что запах крови вызывает агрессивность, и, возможно, я уже под некоторым воздействием, – подумал молодой человек.

– Обратите внимание, – закрипел вновь Батяня своим ворчливым голосом. – Здесь финиш. Сюда поступает уже полностью готовая продукция (он не сказал *мясо*), видите: висят часы. Они показывают время процесса от включения рубильника. Полное время... Ваша модификация узла должна дать не более сорока секунд удлинения всего процесса. Знаю, знаю. Не перебивайте!.. Я знаю, что у вас потеря времени двадцать шесть секунд. Но я в них позволю себе сильно сомневаться. Пусть будет хотя бы сорок! Пусть!.. Иначе я сам пойду к директору комбината на прием, с тем чтобы вас гнали отсюда. Чтобы на вас написали телегу в вашу организацию и чтобы вам навсегда перекрыли кислород там, где вы, извините за выражение, трудитесь! Чтобы вам ёкалось еще лет десять, понятно?

– Понятно.

– Нет, не понятно!.. Я старый инженер, и я знаю, что такое остановить конвейер. Что такое прервать цикл. А из-за вас мы остановим линию почти на час, пока вмонтируем ваш АТМ-241...

Он жестом позвал:

– Идите сюда.

Они вышли (они прошли финишную комнату конвейера, с висячими часами, как бы насквозь). Стало легче дышать, воздух был свеж, чувствовалась близость степи. Вдали стояли оранжевые двухэтажные дома, которые приятно смотрелись сквозь высокую стену зеленых насаждений, дикий виноград или хмель?

Батяня пояснил:

– Там живут наши рабочие. Да, они никуда отсюда не уезжают, чтобы информация не расплылась. Они и не хотят. Здесь у них отличные магазины, тряпки для их баб по самой последней моде.

А какой спорткомплекс! бассейны!.. Ограда цехов? Да эта ограда просто так. Чтобы наши детишки сюда не забежали в погоне за какой-нибудь яркой бабочкой. Чтобы запахи не били им в душу...

– Мы кого-то ждем?

– Да. Сейчас подойдет ваш техник... Так вот: здесь мы, конечно, не можем быть слишком секретны, сосед есть сосед, семья есть семья, все всё знают. И мы, конечно, не запрещаем – мы только не советуем в их семейных разговорах говорить про наших «коровок», – Батяня кивнул головой в сторону чанов, – так лучше. Коровка – ласковое слово, но мы не советуем его употреблять.

Молодой человек смотрел на плывущие медленно чаны, они действительно напоминали формой коров, медленно движущихся одна за одной к некоему условному водопою. Подошел инженер-техник (человек, который сделал его узел уже загодя, по переданным сюда чертежам и схемам). Он представился, пожал руку – энергичный человек.

Через АТМ-241, который молодой командированный так долго вынашивал в замысле, а инженер-техник так долго лепил в своих руках, они оба были как породненные. Как приятели уже многолетней выдержки. Они с интересом посмотрели друг на друга, словно бы и впрямь ощущая некоторое отдаленное родство не по крови.

– Ворчит наш старенький, а? – Инженер-техник подмигнул командированному, очевидно имея в виду Батяню. И тут же сам смягчил: – Не обращайтесь внимания. Он человек добрый, он добрейший, в сущности, наш Батяня!

Он хотел потрепать старого инженера дружески по плечу, но тот отвел руку:

– Вот еще!.. У нас работа, а не юбилей.

Условившись о часе встречи, инженер-техник ушел.

Конвейер медленно накатывал чаны-коровки. Возле чанов, одетые в белое, трудились женщины, нажимали на кнопки, выстреливая из ампул строгое число граммов вкусовых эссенций. Женщины были молоды, белая одежда подчеркивала формы – и тут же вновь волна запахов, вновь дурнота и сквозь дурноту встрепенувшееся мужское естество. Инстинкт, – сказал себе командированный молодой человек, отмечая, что, как ни отвратителен запах, он дает мужчине почувствовать себя сильным, даже могучим. Неотрывно смотрел он теперь на женское тело в белой одежде. Выбрал одну и смотрел, угадывая формы.

– Да что ж закрышки чанов так плохо прикрыли? – возмутился Батяня. Он снова потряс фляжкой. – Не надо? Глоток-два?.. Ну и слава богу, что не хотите. Запахи по-разному действуют, непривычный человек может и в истерику впасть. Один командированный как раз на вашем месте стоял – начал эту решетку – видите ее? – рвать руками, раскачивал, чтобы унять нервы. Видите? Металл погнул, а такой, казалось, хилак-интеллигентик...

Батяня зашпешил – скорее отсюда! (Он глотнул из своей фляжки.)

В цех они вошли в обратном направлении к движению конвейера.

– ...Я видел, как вы глядели на женщину, – вот вам и пример. Деторождение как долго держалось в тайне, как тщательно хранилось. И ведь не только в церквях всех мастей, в миру деторождение тоже куталось в любовь, в чувство. А почему?.. А потому, что никто никогда деторождение не совершенствовал. А как только пошли аборт, таблетки, гормоны, как только пошли по мужским карманам припасенные на вечерок гондоны, извините, я хотел сказать – презервативы, ну, старый человек, простите, простите, – и это было еще задолго до того, как мы успели победить СПИД, а ведь СПИД победили только в прошлом веке! – и пошло-поехало, какая там тайна! Уже сопляки-подростки – вчера слышал своими старыми ушами – толковали о том, что женщина, в первой своей встрече с каждым мужчиной, обязана в постели постанывать, чтобы, не дай бог, не лишить мужчину уверенности и силы...

– Простите. Вы о тайне?.. Или о женщинах? – перебил молодой командированный с иронией.

– О тайне, о тайне! о чем же мы еще говорим! Я всегда доказывал, никаких внедрений, никаких АТМ двести сорок хреновых номеров... Сейчас, к сожалению, я только брюзжу, а раньше я умел убедить. Еще пять лет назад я убедил одного молодого ничего не внедрять. Его, как и вас, прислали, а я таки сумел убедить его, и он отказался внедрять, уехал...

– Со мной не пройдет.

– Да уж вижу, вижу. Но его я убедил. И он так и написал в докладной: не желаю работать с вами... К сожалению, других направлений работы на этом свете нет. Пока не придуманы. Так и уехал ни с чем, бедный.

Этакий простяга, ворчащий Вергилий, Батяня вводил в дело:

– И здесь часы. Видите? Здесь тоже будем проходить, когда в конвейер подключится ваш АТМ-241. Я немногословен, когда узел обкатывается. У меня два слова: *отлично* и второе мое слово – молчание. Сами понимаете, что оно означает. Оно означает – *хреново*. А *отлично* – это если график будет выдерживаться с потерей всего сорока секунд, как вы нам и обещали. Знаю, знаю про двадцать шесть секунд! Но кто же в них поверит?

И тут же теплая волна чувства, когда безо всякой паузы этот чертов Батяня произнес:

– Здесь будет поставлен ваш узел. Да, в этой комнате. Можете на миг войти...

Комната средних размеров и совершенно пуста. Лишь по полу через середину комнаты тянулся прозрачный полиэтиленовый шланг, по которому – было хорошо видно – проталкивалась толчками пульсирующая каша будущей пищи. Пустая комната, и в середине ее ниточка шланга. Командированный молодой человек, захваченный волнением, молчал. Знак переживания. Сердце его тихо било, подталкивая кровь чуть ли не теми же пульсирующими ударами. Прозрачный, дышащий, как сосуд, шланг был тонок, не толще девичьей руки у запястья... Да,

здесь шланг разрежется скальпелем и в течение одного часа вмонтируется и будет подключен ваш узел, – да, разумеется, шланг войдет в АТМ-241 и затем из него выйдет. Вот – всё.

Молодой командированный тут же оговорил условие: во время испытания он хотел бы видеть весь конвейер – он хочет быть убежден, что секунды не потеряются где-то в пути, на чужих стыках.

– Общее время? – Батяня кивнул. – Разумеется, мы его полностью учтем. Но зачем оно вам? Ах, не доверяете. Ладно, посмотрите от и до, но только в третий, в последний день. Сами проследите каждую секунду. Пожалуйста. Да, даже два хронометра. Один у вас будет в руках для маневрирования туда-сюда, а второй, соединенный с общим компьютером, будет стабильно висеть на вашем брюхе – знай поглядывай.

И он вскинул брови, как бы пугая:

– Да-да, два хронометра у вас, но и у меня тоже два!

– Вот и прекрасно, – молодой человек улыбнулся.

– Вот именно. Прекрасно. Два у вас и два у меня. Может быть, с нами пройдет вдоль конвейера и директор комбината. Но не обязательно.

Она постучала тихо, старомодным робким пристуком, и вошла с некоторой заминкой, когда он сказал: «Войдите», – в руках ее было симпатичное ведерко для мусора и крохотный пылесос. На тонкой шее, как медальон, чуть менее ее ладони коробочка-рация. Вероятно, для связи; администрация в любую минуту может знать, где она сейчас убирает и каково состояние гостевого домика на данный момент. Она убирала в комнатах быстро, легко, иногда отмахивая темные волосы со лба, – она приостанавливалась, двигалась. Он стоял у окна: все еще длилась та не оформленная чувством минута, когда она вошла и коротко, скромно представилась:

– Оля.

А он назвал себя.

Она прибирала в общем-то в чистой комнате: вытирала пыль. Пять минут – и вот она вымыла руки, погляделась в зеркало, а затем подала на стол чай на подносе, печенье. И он, конечно, попросил – мол, побудьте со мной. Выпейте со мной чаю. Она присела в кресло, что напротив.

Оба улыбнулись – стало легко. Они пили чай и беседовали.

– А я боялась, что вы старый. Старые пристают...

– А молодые?

Она засмеялась:

– А молодые смущаются.

– Так, как я?

Она кивнула, произнесла что-то невнятное. Он заметил, что сама она тоже смутилась.

Он спросил – командированные давно не приезжали?

– Да. Больше полугода...

И тут же добавила:

– Я еще вчера видела свет у вас. Я прибирала в соседнем домике. И подумала о вас.

– А, так это вы были там! Я тоже видел вспыхнувший в окнах свет, на три-четыре минуты, да?

Он чувствовал возникшую взаимную симпатию, пока еще осторожную, сдержанную, однако же требующую и каких-то усилий для продолжения. Лицо ее было несколько простецкое, но приятное... Он продолжал говорить, кажется, игриво и, возможно, пошловато, но именно от волнения, от спутанности чувств, впадая в чужие чьи-то слова. С ней, кажется, происходило то же самое: вдруг вырывался короткий робкий смешок, и тут же она смущалась.

После чая он включил музыку. Негромко. Затем спросил, замужем ли она, она ответила «нет» и одновременно покачала головой: нет. И встала, чтобы уйти, краска бросилась ей в лицо. Он понял, что миг – и он ее упустит. Быстро выключил музыку магнитофона и подошел к ней.

– Вы такая... – начал было он, но она приложила палец к губам. И этим же пальцем вслед указала на находившуюся возле ее нагрудного кармана висячую коробочку рации.

Он понял. Он кивнул – мол, нем как рыба.

И, уже смелый, протянул руки, она легко сделала шаг навстречу. Он даже прикрыл глаза, как подросток. «Какое счастье!» – подумал он и задохнулся. И через час, когда она ушла, повторил про себя: какая удача, какое счастье, как хорошо я нынче засну.

Он уже лег, когда вспомнил, что надо бы позвонить инженеру-технику, раз тот сам не звонит.

– Простите, – сказал он в трубку, – еще не поздно, вы не спите? Я ведь волнуюсь. Завтра монтаж нашего узла. Вы еще раз смотрели его сегодня?

– Разумеется!

– М-м... Вот, собственно, и весь мой вопрос. Только это и хотел спросить.

Инженер-техник засмеялся:

– Ну-ну, никаких волнений. Спите спокойно. Узел – чудо. Узел – просто красавец!

В смехе его была не только бодрость и не только желание приободрить – была уверенность. (Это лучше, чем одержимость.) И тогда командированный молодой человек тоже облегченно засмеялся. Повесил трубку. И вспомнил, что сегодня он сладко заснет.

И как раз тут Оля вернулась. Возвращение было неожиданно. Она что-то ему сказала, мол, не уверена, не испортился ли маленький холодильник с закусками... И стояла на пороге. Молодой человек уже понял, что она хочет быть с ним, хочет остаться, но на его лице, по-видимому, еще плавало некоторое удивление от неожиданности ее возвращения.

– Не пугайтесь. Я не останусь, – сказала она с тенью обиды.

– Я этого не пугаюсь. Я этого хочу. Я лишь чуть растерялся, – честно признался он.

Оказывается, она хотела ему хоть что-то рассказать о себе, поделиться. Да, да. Ведь хочется иногда рассказать. Они лежали рядом. Любовь их теперь была неспешной. Она почти не стонала, но приятно было более, чем в первый раз, горячка миновала, сошла. Тишина. Ближе к ночи, чем к вечеру.

Она рассказывала о себе: наивная, простенькая история о том, как она жила раньше где-то на Украине. Там были подсолнухи, прилетали птицы и клевали подсолнухи в их большие свешенные головы; головы подсолнухов обматывали марлей, но птицы все равно выклевывали свое. Ей было ничуть не жалко подсолнухов для птиц. Птицы прилетали только на заре, когда она, маленькая Оля, спала. Да, она перенесла тяжелое заболевание...

– Какое?

– Я не знаю.

– А в чем оно выражалось?

– Я очень медленно соображала. Я и сейчас такая. Я почти не училась. Я не могла нигде работать...

– Но тебе должны были дать пособие.

– Мне дали. Но я хотела быть с людьми. Я хотела работать, но меня никто не брал...

Наконец взяли сюда.

Он спросил:

– Без права выезда?

– Да.

Она рассказывала, что она привыкла здесь жить и что здесь все-таки с ней рядом люди. Но иногда ей хочется на Украину.

Ей хочется найти тот домик, где она лежала больная и где за окном были подсолнухи и мальвы.

– Может быть, это было в раннем детстве?

– Д-да, – сказала она, не помня точно.

Он встал, прошел в темноте к холодильнику, взял вина и налил себе. «Выпьешь вина?» – спросил. Она сказала: «Только очень немного. Я от вина делаюсь совсем глупенькая... Ты же знаешь: я болела и не умею думать...» Он выпил, а она все держала свой бокал, придерживая на груди простыню другой рукой. Потом и вовсе поставила бокал на столик.

Она сказала, как ей хочется на Украину, и заплакала. У нее даже сердце щемит, вот здесь. Положи руку сюда, – попросила она. Теперь сюда... и засмеялась негромко, робко: хи-хи-хи-хи.

## 2

Весь АТм-241 находился уже в комнате: командированный молодой человек впервые рассматривал свое произведение не на чертеже и не в уменьшенном варианте на стенде, а в живом виде – в металле и в пластике, с вереницей прозрачных приводов, которые тянулись один за одним, опрятные, уже вытертые от предохраняющей смазки. Инженер-техник, выпавшийся и веселый, распорядился подготовкой: как всегда бодр. Он с улыбкой кивнул командированному: мол, все в порядке!.. «Это сюда! А это ставь сюда!.. А второй привод поставь-ка тут; да, да, вместе с основанием!..» – руководил он рабочими.

Появился Батяня:

– Доброе утро... Ну? Нравится вам, как работает инженер-техник?

– Очень!

– Еще бы!.. Один из лучших наших специалистов. Граненое достоинство. Он из добровольцев. Из решивших работать здесь всю оставшуюся жизнь. Честно говоря, мне надоели и вербованные, и командированные – уж извините старика, я называю всех вас шушерой... От вас все надо скрывать, прятать, зато ведь и денежек тратится изрядно.

Молодой человек засмеялся:

– Да уж. Засекретились вы будь здоров! Как в прошлые века!

– Вам смешно. А я от этих жмурок-прятков сплю плохо... Кстати, подойдите-ка вот к тому усатому мужчине – заполним подписку о неразглашении.

– Минутку...

Молодой командированный, разговаривая, одновременно внимательнейшим образом осматривал каждый вносимый компонент узла. Взгляд – его лицо вспыхнуло, и вот он уже метнулся к рослому рабочему: «Ставьте! Ставьте!..» – и, обрывая руками оберточную фольгу, всматривался в металл: он ему не нравился. Вместо хромированных сталей банально белесый цвет, неужели дешевка?! Инженер-техник тотчас подошел. Они оба присели над коленным компонентом. «Ага. Испугались?.. Это наш тен-металл!» Инженер-техник постучал пальцем по металлическому овальному срезу, и характерный вибрационный шумок сразу попал в уши.

– Слава богу! – молодой командированный вздохнул с облегчением.

– А вы как думали? Денег не жалеем! – сказал инженер-техник, и рабочие вокруг одобрительно засмеялись.

Командированный вернулся к Батяне.

– Иду, иду! – сказал он тому усатому, кто держал наготове подписку. На большой папке чистый форменный лист. Авторучка. Даже колпачок уже снят, перо дышит тушью.

«Да, денег не жалеют. Богатые. Чем более секретная организация, тем более богатая – это уж во все века так было и есть...» – думал он, а глазами пробежал текст. Обычный формальный текст, но оговорки жесткие – в случае нарушения условий, в случае малейшей утечки информации комбинат присваивает АТм-241 себе, у автора никаких прав, заказная его работа считается неосуществленной, комбинат также вправе в порядке самозащиты добиваться признания автора ненормальным, не только для того, чтобы АТм-241 на все времена стал его, комбината, неотделимой собственностью, но также чтобы дискредитировать всю разглашенную автором информацию. Вправе через суд добиваться того, чтобы его сочли душевнобольным, с вытекающими отсюда последствиями, за которыми организация проследит, прилагая все свои возможности и финансовые средства. «Богатые», – подумал он, подписывая.

Инженер-техник продолжал руководить подготовкой – покрикивал на рабочих. На середине комнаты по-прежнему тихо лежал прозрачный шланг-сосуд с пульсирующей в нем кашцей.

– Смотрите?

– Смотрю.

– Да-а. Вот где-то здесь разрежем и – началось...

Батяня приобнял командированного за плечо:

– Я ворчлив, но, честно говоря, я рад вашему узлу. И запах заметно отбивает, и сорок всего секунд! Знаю, знаю про двадцать шесть!..

Командированного (это получилось само собой) уже подготовили: подвели к мысли, что при внедрении каждый маленький шажок дается колоссальным усилием.

– Мой узел вытягивает из этой кашицы две аминокислоты лишь для того, чтобы запах продукта был лучше?

– Да.

– Все мое искусство и весь мой труд, чтобы смягчить и улучшить запах?

– Разве вы этого не знали?

– Да знал, знал, конечно! – командированный засмеялся. – Обычное приземление идеи.

Батяня стал его хвалить:

– Но у вас и фильтры чудесные. Дело в том, что убиваемое животное выделяет микроэлементы отравы. Не только адреналин – известная самозащита убиваемых. Ваши фильтры помогают частично убрать, очистить.

– Вы так хорошо синтезируете говядину, что умеете повторить микроэлементы убоя?.. Ах, да! вы же копируете говядину прошлых веков! не можете уклониться от образца?! Если АТМ-241 всего лишь песчинка, какова же технологическая мощь вашего комбината!

Он был искренне восхищен, но Батяня прервал его:

– Минутку. Вас зовут.

И точно: инженер-техник держал плато с датчиками и махал рукой.

Теперь командированный уже не отрывался от монтажа. Он поминутно присаживался на корточки (иногда инженер-техник успевал подвинуть ему маленькую табуреточку). Удивительно, когда твоя мысль воплощена! – открытый, немучительный труд! Узел уже казался живым, ожившим, лазерные синхронизаторы готовы были гнать кашу белка через новенькие сосуды с эластичными прозрачными стенками.

– Но здесь, – голос Батяни, – мы ставим дополнительную апробацию.

Ясно: отражает их интерес, выверяя сотые доли жира. Ни на миг не останавливая процесса, извлекают крошку синтезированного белкового фарша, тут же микроанализ, ЭВМ обрабатывает, и данные – снова в процесс. Тонкость, разумеется, в том, что берется крошка до его АТМ-241, а засылаются ее данные в процесс конвейера ниже, то есть сразу после его узла.

– Да ради бога. Пожалуйста, – откликнулся командированный молодой человек как бы с полной охотой и как бы вскользь тут же заметил: – Откуда питается контрольный прибор?

Батяня и инженер-техник замахали руками:

– Из конвейера! Конечно, из общего конвейера! Но это не отразится... Один-два ватта! Мелочи!

Молодой человек согласился и тут, однако, сказал:

– А все-таки сочтите – один ватт? или два ватта?

Они заверили, что будет подсчитана общая затрата энергии – десять комнат с вмонтированными узлами и теперь плюс его, одиннадцатая, комната вместе обрабатывают белковый фарш вплоть до нормы. Комнаты и в них узлы напоминают кишечник с его толстыми и тонкими кишками, в которых жиры поочередно расщепляются, чтобы не ударить слишком по печени человека, всякого человека, тем более, скажем, диетика. Нет-нет, мясо кусками синтезируется в других комнатах. Но тоже, избавляясь от запахов, пройдет через ваш узел.

Ему показали через стекло: куски мяса проталкивались, иногда становились поперек, но движущая жидкость подталкивала вновь, и с очередным ударом внутреннего пульса кусок

разворачивался и (прекрасно глядящийся, вкусный, свежеотрезанный, он так и просился на сковородку или в духовую печь) проползал дальше.

– Все отлично, – сказал молодой командированный.

Батяня хмыкнул: «Хм... еще бы!»

– Единственное, что мне в моей комнате осталось непонятным, – продолжал командированный, – в том углу какая-то коробка. Не распакована даже. Что там?

Батяня вновь хмыкнул, но уже с другой интонацией:

– Хм. Я не могу вам сейчас сказать. Коробка... чуть позже.

Но командированный умел проявить волю. Он передернул плечами: это недопустимо. Что могли принести в комнату? Здесь монтаж. Он отвечает здесь за весь узел в целом...

– Да вы не волнуйтесь так, – заскрипел Батяня. – Это никак не будет подключаться в узел. Это, – он говорил негромко, – это вам сувенир от комбината. Подарок. От директора лично. В случае успешного эксперимента.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.